

Р.М. Шукуров

МНОГОЯЗЫЧИЕ В ВИЗАНТИИ (IV–XV вв.)*

Аннотация: В статье рассматривается проблема многоязычия в Византии. Автор выделяет основной набор тем в византийской письменности, связанных с многоязычием мира, обсуждает его содержание, функции и роль многоязычия. В работе рассматривается интеллектуальная рефлексия византийцев относительно многоязычия мира, проблемы практического многоязычия в византийской текстуальной культуре, типология лиц, практиковавших многоязычие. В заключении автор дает типологию византийского многоязычия в сравнении с другими цивилизационными типами Средиземноморья.

Ключевые слова: Византия, византийская культура, греческий язык, многоязычие, переводы на греческий, переводчики, билингвы.

В последние десятилетия обозначился живой интерес к проблеме многоязычия в Византии, связанный с естественным стремлением апробировать, детализировать или же полностью пересмотреть господствующую до сих пор в науке аксиому о сущностном моноязычии византийской культуры¹. Однако исследования многоязычия в Византии находятся до сих пор на своей начальной стадии. Даже поверхностное углубление в проблему соотношения моноязычия и многоязычия в Византии показывает насколько неравномерно и недостаточно она исследована. Проблема отношения византийцев к чужим языкам чрезвычайно обширна и заслуживает развернутого монографического исследования. В настоящей работе я вижу свою задачу в том, чтобы обрисовать возможные направления

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14–28–00213).

¹ *Runciman S.* Byzantine linguists // Проσφορά εις Στίλωνα Π. Κυριακίδην. Θεσσαλονίκη, 1953. P. 596–602; *Dagron G.* Formes et fonctions du pluralisme linguistique à Byzance (VIIe–XIIe siècle) // *Idem.* Idées byzantines. T. 1. P., 2012. P. 233–264; ранняя версия той же работы: *Idem.* Formes et fonctions du pluralisme linguistique à Byzance (IXe–XIIe siècle) // ТМ. 1994. Т. 12. P. 219–240; *Idem.* Communication et stratégies linguistiques // Η επικοινωνία στο Βυζάντιο: πρακτικά του Β' Διεθνούς Συμποσίου, 4–6 Οκτωβρίου 1990. Αθήνα, 1993. P. 81–92; *Idem.* Aux origines de la civilisation byzantine: langue de culture et langue d'état // *Idem.* Idées byzantines. T. 1. P., 2012. P. 205–231; *Oikonomidès N. L.* «Unilinguisme» officiel de Constantinople byzantine (VIIe–XIIe s.) // Σύμμεικτα. 1999. Т. 13. Σ. 9–22; *Jacoby D.* Multilingualism and Institutional Patterns of Communication in Latin Romania (13th–14th Centuries) // Diplomats in the Eastern Mediterranean 1000–1500. Aspects of Cross-Cultural Communication / Ed. A.D. Beihammer, M.G. Parani, Ch.D. Schabel. Leiden; Boston, 2008. P. 27–48. См. также полезные сборники статей о языковой ситуации на маргиналиях Византийского мира в издательской рубрике «Languages and Cultures of Eastern Christianity» (серия The Worlds of Eastern Christianity, 300–1500 / Ed. R. Hoyland, A. Papaconstantinou), в которой вышли уже три тома, посвященные эфиопской (2012 г.), грузинской (2012 г.) и греческой (2015 г.) культурам.

в будущем исследовании содержания, функций и роли многоязычия в Византии. В заключении работы будет также сделана попытка определить типологию византийского многоязычия.

Я предлагаю следующий набор исследовательских направлений, значимых для понимания византийского многоязычия, который представляет собой и план моего последующего обсуждения: 1) первый комплекс проблем касается интеллектуальной рефлексии византийцев относительно фактического многоязычия мира, что могло бы в идеале привести к попыткам систематизации известных языков; 2) вторая группа проблем связана с практическим многоязычием в византийской текстуральной культуре, результатом которого был либо прямой перевод иностранных текстов, либо заимствование идей, происходящих из иностранных источников; 3) третий комплекс проблем касается типологии лиц, практиковавших многоязычие в текстуральных переводах и в пространстве устного общения; 4) четвертый — типологическая оценка места Византии в практике многоязычия.

Прежде, однако, следует сделать важную оговорку. Те или иные аспекты обозначенных выше исследовательских направлений прямо или косвенно затрагивались в исследовательской литературе и породили весьма внушительную библиографию, простой список которой превысил бы объемы настоящей статьи. В последующем обсуждении я ограничу себя лишь самыми необходимыми ссылками, которые бы направили заинтересованного читателя к наиболее репрезентативным и авторитетным работам, касающимся обсуждаемых тут тем. Тем самым я постараюсь восполнить неизбежные для обзорной статьи недоговорки, упрощения и редукции сюжетов, уже хорошо исследованных в литературе.

I. Интеллектуальная рефлексия на многоязычие

Итак, я начну с византийской концепции фактического многоязычия мира и попытаюсь обозначить диапазон коннотаций и ассоциаций, сопровождавших идею множественности языков в византийской ментальности. Византийская рефлексия на языковую множественность мира базировались преимущественно на библейской традиции с некоторыми дополнениями, заимствованными из античной философии. Обсудим эти базовые идеи, воспринятые византийским интеллектуализмом.

I.1. Изначальный язык

Во-первых, это набор тем, относящихся к происхождению многоязычия человечества и его метаисторического значения. Парадигматическим и структурообразующим текстом здесь является библейская история Вавилонского столпотворения, из которой вышло несколько базовых концептов². Согласно Книге Бытия

² Фундаментальная проработка темы Вавилонского столпотворения в европейской культуре принадлежит Арно Борсту, чей труд остается до сих пор наиболее авторитетным исследованием на эту тему: *Borst A. Der Turmbau von Babel. Geschichte der Meinungen über Ursprung und Vielfalt der Sprachen. Bd. 1–6. Stuttgart, 1957–1963.* В обсуждении проблем происхождения многоязычия я во многом опираюсь на первый том исследования Арно Борста.

(11:1–9), на всей земле был один язык (ἑἷλος ἕν) и одно наречие (φωνὴ μία). Однако после попытки построить Башню Бог наказал человечество: он смешал его язык так чтобы один не понимал речи другого³.

Согласно еврейской традиции, «один язык и одно наречие», упомянутые в Книге Бытия, были еврейским языком⁴. Идея изначальности еврейского языка перешла и в христианскую мысль. Бог, Адам и потомки последнего говорили на еврейском. Еврейский оставался общим языком человечества до времени Столпотворения⁵. После того, как Бог смешал изначальный язык, только Евер сохранил знание еврейского или, по утверждению «Книги Юбилеев», Бог восстановил знание еврейского, через ангела обучив ему Авраама⁶. Позже среди сирийских евреев распространилась идея об исконном статусе арамейского (но не еврейского) языка, но она не была популярной в последующей византийской традиции⁷.

Идея изначальности еврейского и его сохранения через Евера или Авраама была распространена в христианских писаниях и особенно в хронографиях — например, у Георгия Амартола и Георгия Синкелла⁸. В частности, Георгий Амартол со ссылкой на Оригена опровергал мнение о том, что именно арамейский (Συριακή), но не еврейский, был изначальным языком⁹. Однако это было не единственное толкование, распространенное среди христиан: например, Григорий Нисский в трактате «Против Евномия», ссылаясь на Псалмы, описывает еврейский как «новый язык», который появился только во времена Иосифа¹⁰.

³ Быт. 11:7: συγχέωμεν ἐκεῖ αὐτῶν τὴν γλῶσσαν, ἵνα μὴ ἀκούσωσιν ἕκαστος τὴν φωνὴν τοῦ πλησίον.

⁴ Идея еврейского как изначального языка актуализировалась довольно поздно в еврейской мысли, только ко II в. до Р.Х.: *Albertz R. Die Frage des Ursprungs der Sprache im Alten Testament // Theorien vom Ursprung der Sprache / Hrsg. J. Gessinger, W. von Rahden. Bd. 2. B., 1989. S. 1–3; Eskhult J. The Primeval Language and Hebrew Ethnicity in Ancient Jewish and Christian Thought until Augustine // Revue d'études augustiniennes et patristiques. 2014. Vol. 60. P. 302–309.*

⁵ Об этом подробнее и с привлечением иудейских источников см.: *Poirier J.C. The Tongues of Angels: The Concept of Angelic Languages in Classical Jewish and Christian Texts. Tübingen, 2010. P. 9–30.*

⁶ *Fragmenta pseudepigraphorum quae supersunt Graeca una cum historicorum et auctorum Judaeorum hellenistarum fragmentis / Ed. A.-M. Denis [Pseudepigrapha Veteris Testamenti Graece. T. 3]. Leiden, 1970. Frag. h*: τὸν Ἀβραάμ ἐγὼ ἐδίδαξα τὴν Ἑβραϊδα γλῶσσαν κατὰ τὴν ἀπ' ἀρχῆς κτίσεως λαλεῖν τὰ πάτρια πάντα.*

⁷ *Rubin M. The Language of Creation or the Primordial Language: A Case of Cultural Polemics in Antiquity // Journal of Jewish Studies. 1998. Vol. 49. P. 306–333; Hilhorst T. The Prestige of Hebrew in the Christian World // Flores Florentino: Dead Sea Scrolls and Other Early Jewish Studies in Honor of Florentino García Martínez / Ed. A. Hilhorst, et al. Boston; Leiden, 2007. P. 782; Eskhult J. The Primeval Language... P. 326–327.*

⁸ *Georgii Monachi chronicon / Ed. C. de Boor. Vol. 1–2. Leipzig, 1904. P. 52.6–54.2; Ioannis Malalae chronographia / Ed. L. Dindorf. Bonn, 1831. P. 12; Georgius Cedrenus, Ioannis Scylitzae opus / Ed. I. Bekker. Vol. 1. Bonn, 1838. P. 48.5–6; Georgius Syncellus. Ecloga chronographica / Ed. A.A. Mosshammer. Leipzig, 1984. P. 122.4–5 (см. комментарии к тексту Синкелла: *The Chronography of George Synkellos. A Byzantine Chronicle of Universal History from the Creation / Transl., introduc., notes W. Adler, P. Tuffin. Oxford, 2002. P. 139*). См. также: *Borst A. Der Turmbau von Babel... Bd. 1. S. 301.**

⁹ *Georgii Monachi chronicon... P. 53.17–54.2.*

¹⁰ Псал. 80:6 (81:5): *Он установил это во свидетельство для Иосифа, когда он вышел из земли Египетской, где услышал звуки языка, которого не знал (... μαρτύριον ἐν τῷ Ἰωσήφ ἔθετο αὐτὸν ἐν τῷ ἐξελεῖν αὐτὸν ἐκ γῆς Αἰγύπτου· γλῶσσαν, ἣν οὐκ ἔγνων, ἤκουσεν); Contra Eunomium // Gregorii Nysseni opera / Ed. W. Jaeger. Vol. 1.1–2.2. Leiden, 1960. 2.1.256.*

История Столпотворения оттеснила в тень другое «лингвистическое» указание Ветхого Завета об именовании Адамом всех животных и птиц (Быт. 2:19–20) и созданной из его ребра женщины (Быт. 2:23). Византийские авторы не определяли на каком языке Адам совершил поименование¹¹.

В истории Столпотворения случившееся по воле Бога языковое многообразие человечества определенно рассматривается как негативное обстоятельство, порожденное грехами. Иоанн Златоуст в «Беседах» на Книгу Бытия разъясняет историософский смысл рассказа: «Когда эти люди, пользовавшиеся одним языком (ὁμοφωνία), употребили во зло данное им преимущество, Бог останавливает их стремление к нечестию разноязычием (ἑτεροφωνία)»¹². Златоуст утверждает, что разделение человечества на разные языки и разные нации, по своему внутреннему смыслу и тяжким последствиям, сравнимо с изгнанием Адама из Рая¹³. Единящий и спасительный аспект Пятидесятницы в противоположность губительному многоязычию подчеркнут и в кондаке Романа Сладкопевца¹⁴.

История смешения языков в результате столпотворения имела важную продолжение именно в христианской традиции. Христианская абсолютная истина сняла с человечества проклятие многоязычия. Эта идея выводилась из феномена апостольского разноязычия в Пятидесятницу, как она описана в «Деяниях» апостолов. «Деяния» рассказывают о чудесном нисхождении Святого Духа на апостолов, которые начали говорить на иных языках¹⁵. Божественная универсальная истина понятна всем языкам, несмотря на их различие. Пятидесятница означает преодоление языковых, а значит и культурных разделений внутри человечества.

Арно Борст отмечал, что христианская идея единения «языков» (т. е. народов) отразилась и в византийском дворцовом церемониале¹⁶. Действительно, в дворцовом праздновании Пятидесятницы возгласения включали упоминания Параклита, Который «посетил апостолов в виде огненных языков... и осветил народы»; далее в протоколе праздника следует еще более эксплицитное возгласие: «Бог языкоподобным огненным сиянием истребил нечестие народов и через вас, мужественнейшие владыки (т. е. византийские императоры — *P.Ш.*), обещал вести брань и истреблять нечестие народов. Да содеешь разноязыких однопознанными в вере, о [василевс] такой-то и такой-то, радость и возвеличение

¹¹ См., например, статью «Адам» в словаре «Свида»: Suidae Lexicon / Ed. Ada Adler. T. 1–5. Leipzig, 1928–1938. Alpha 425 (Αδάμ).

¹² *Joannes Chrysostomus*. In *Genesim* (homiliae 1–67) // PG. T. 53. Col. 278.54–62 (No 30.4): Καὶ οὗτοι τοῖνυν ἐπειδὴ τιμηθέντες τῇ ὁμοφωνίᾳ, εἰς κακίαν ἐχρήσαντο τῇ δοθείσῃ τιμῇ, διὰ τῆς ἑτεροφωνίας ἴστησιν αὐτῶν τῆς κακίας τὴν φορᾶν.

¹³ *Ibid.*

¹⁴ *Romanos le Mélode*. *Hymnes* / Éd. J. Grosdidier de Matons. Vol. 5. P., 1981. No 49.1–4: Ὅτε καταβὰς τὰς γλώσσας συνέχεε, διεμέριζεν ἔθνη ὁ ὑψιστος· ὅτε τοῦ πυρὸς τὰς γλώσσας διένειμεν, εἰς ἐνότητα πάντα ἐκάλεσε («Когда Всевышний снизошел и смешал языки, Он разделил народы. Когда же Он разделил языки пламени, Он призвал всех к единству...» — пер. М. Зеленого).

¹⁵ Деян. 2:1–13, особенно 2:4: *начали говорить на иных языках* (ἤρξαντο λαλεῖν ἐτέρας γλώσσας). Вариант понимания этого пассажа как *аколалии*, т. е. чуда слышания собственного языка в глоссолалии апостолов, предложенная современными богословами, вряд ли имеет основания в святоотеческой традиции: *Hunter H. Tongues-Speech: A Patristic Analysis* // *Journal of the Evangelical Theological Society*. 1980. Vol. 23 (June). P. 125–137; *Hovenden G. Speaking in Tongues: The New Testament Evidence in Context*. L.; N.Y., 2002. P. 61–62.

¹⁶ *Borst A. Der Turmbau von Babel... Bd. 1. S. 303.*

римлян!»¹⁷. Таким образом, богословскому концепту Пятидесятницы тут придан политико-идеологический смысл, и именно византийский император выделся главным инструментом объединения «языков» в праведной вере. Более того, для ряда церемоний протокол предписывал восклицать славословия на иных языках — латинском, готском, еврейском, английском, персидском, — что наглядно демонстрировало единение народов под сенью императорской власти¹⁸.

Сюжеты смешения изначального языка и преодоления многоязычия в Пятидесятнице представлены в церковной декорации и книжной миниатюре. Персонификации «народов» появляются в иконографии Пятидесятницы с IX в., а в книжных иллюстрациях Столпотворения с XI–XII вв. (Псалтирь, Восьмикнижие)¹⁹. Наряду с «европеизированными» персонажами изображались также «азиаты» в чалмах и чернокожие «африканцы». Причем, в искусстве можно обнаружить прямую визуализацию приведенных выше примеров разноязычия в дворцовых церемониях. Так, в сценах Пятидесятницы во главе персонификаций народов мог изображаться византийский василевс, который в поздне-византийской иконографии стал в одиночестве олицетворять все народы и языки²⁰.

1.2. Небесный язык

Второй набор тем, косвенно связанных с историей Вавилонского столпотворения, касается проблемы небесного многоязычия, то есть языков, используемых Богом, ангелами и демонами²¹. Иудеи считали, что Бог говорит на еврейском, и Его речь зафиксирована в Писании. Эта идея была хорошо известна христианам, но не особенно среди них популярна. Григорий Нисский, например, настаивает на том, что «речь Божия не произносится ни на еврейском, ни на другом каком-либо из употребляемых между народами языке»²², ибо, говорит Григорий, «не знаю, как здравомыслящий может согласиться с той мыслью, что Бог употреблял еврейский язык, когда не было никого, кто бы мог слышать слова

¹⁷ *Constantin VII Porphyrogénète. Le livre des cérémonies. Texte / Éd. A. Vogt. T. 1. P., 1967. P. 54.8 (ἐν πυρίνας γλώσσας ἐπιφοιτήσας τοῖς ἀποστόλοις... τὰ ἔθνη ἐφώτισεν), 54.23–55.4 (Ὁ γλωττομόρφους Θεὸς πυρσοφαίαις τὰς τῶν ἔθνῶν ἐκμειώσας ἀθεΐας, δι' ὑμῶν, ἀνδρειότατοι δεσπότηι, ἐκπολεμηῆσαι ἐπαγγέλλεται καὶ ἐκμειῶσαι τὰς τῶν ἔθνῶν ἀθεΐας, καὶ ὁμογλώττους ἐν πίστει τοὺς ἀλλογλώσσους ἑλκύσῃ ὁ δεῖνα καὶ ὁ δεῖνα, ἡ χαρὰ καὶ ἀνέγερσις τῶν Ῥωμαίων).*

¹⁸ *Constantin VII Porphyrogénète. Le livre des cérémonies. Texte. T. 1. P. 8, 16, 21, 63, 125 (латинский); T. 2. P. 20, 169–170 (латинский), 183–186 (готский, латинский и, как считали сами византийцы, еврейский); Pseudo-Kodinos and the Constantinopolitan Court: Offices and Ceremonies / Ed. R. Macrides, J. Munitiz, D. Angelov. Farnham, 2013. P. 152.10–154.2 (латинский), 154.4–6 (английский), 154.7–9 (персидский). Причем, в XIV в. «Многие лета!» василевсу возглашалось на иностранных языках в господские праздники — Рождество и Богоявление, а также вероятно в Вербное воскресенье, Воскресение Христова и Пятидесятницу (это можно вывести из следующего отрывка: Pseudo-Kodinos and the Constantinopolitan Court... P. 166.9–14).*

¹⁹ Подробнее см.: *Grabar A.H. Иконографическая схема Пятидесятницы // SK. 1928. T. 2. С. 223–238; Grabar A. L'icoclisme byzantin. Dossier archéologique. P., 1957. P. 223–224; Garidis M. La représentation des 'nations' dans la peinture postbyzantine // Byzantion. 1969. T. 39. P. 86–103 (особенно 86–89).*

²⁰ *Parani M.G. Reconstructing the Reality of Images. Byzantine Material Culture and Religious Iconography (11th–15th Centuries). Leiden; Boston, 2003. P. 41–42.*

²¹ *Poirier J.C. The Tongues of Angels... P. 50.*

²² *Contra Eunomium. 2.1.260: οὕτε οὖν Ἑβραῖα τοῦ θεοῦ ἢ φωνὴ οὔτε καθ' ἕτερόν τινα τύπον τῶν ἐν τοῖς ἔθνεσι νενομισμένων προφερομένη.*

этого языка»²³. В том же духе Ефрем Сирийский полагал, что Отец говорит с Сыном в молчании²⁴. Идея особого божественного языка, вероятно, восходит к Филону Александрийскому²⁵.

Что касается языка ангелов, то существовали две основные интерпретации: первая точка зрения приписывала ангелам еврейский язык в соответствии с иудейской традицией²⁶, а другая же постулировала существование особого мистического языка, на котором люди не говорят. Христианская мысль преимущественно разделяла вторую идею, т. е. то, что ангелы говорят на особом ангельском языке. Эта идея базировалась, в частности, на первом Послании апостола Павла к Коринфянам (1 Кор. 12–14), где говорится об особом языке ангелов²⁷. Этот ангельский язык часто понимался как *глоссолалия*, языкоподобная речь, непостижимая для человека²⁸.

Любопытное сочетание античной философской и библейской традиций можно найти в трактате Оригена «Против Цельса». Ориген, говоря о магической силе слов, утверждает, что демоны (δαίμονες), живущие на определенной территории, говорят на языках местных народов и племен. Вот почему магическое заклинание, сказанное на определенном языке — например, еврейском, египетском, персидском или индийском, — действует только тех демонов, которые разумеют этот язык²⁹. Следовательно, у каждого народа есть свои демоны, говорящие на том же языке. Не исключено, однако, что в магических практиках предполагалось также и существование непостижимого для человека особого языка (языков) демонов, которые могли оперировать ἄσημα ὀνόματα «бессмысленными именами»³⁰.

Если еврейская традиция была сосредоточена на своем собственном священном языке, на котором Бог общался с евреями и который был воплощен в Священном Писании, то христиане, напротив, изначально приняли фактическую множе-

²³ Ibid. 2.1.258: τὸ γὰρ οἶεσθαι τῇ Ἑβραϊδί γλώσσῃ τὸν θεὸν κεχρησθαι μηδενὸς ὄντος τοιαύτης φωνῆς ἐπαύοντος οὐκ οἶδα πῶς ὁ λελογισμένος συνθήσεται. См. также: *Eskhult J. The Primeval Language...* P. 324–325.

²⁴ *Poirier J.C. The Tongues of Angels...* P. 100–101.

²⁵ См., например: *Niehoff M.R. What is in a Name? Philo's Mystical Philosophy of Language // Jewish Studies Quarterly. 1995. Vol. 2. P. 220–252.*

²⁶ *Poirier J.C. The Tongues of Angels...* P. 24–29.

²⁷ 1 Кор. 13:1: *Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий* (Ἐὰν ταῖς γλώσσαις τῶν ἀνθρώπων λαλῶ καὶ τῶν ἀγγέλων...).

²⁸ *Poirier J.C. The Tongues of Angels...* P. 48–53, *passim*.

²⁹ *Origène. Contre Celse / Ed. M. Borret. T. 1. P., 1967. 1.24 и особенно P. 30–37: ἄλλα δὲ κατὰ αἰγυπτίαν ἐκφερόμενα φωνὴν ἐπὶ τινῶν δαιμόνων, τῶν τότε μόνῃ δυναμένων, καὶ ἄλλα κατὰ τὴν Περσῶν διάλεκτον ἐπὶ ἄλλων δυνάμεων, καὶ οὕτω καθ' ἕκαστον τῶν ἔθνῶν, εἰς χρείας τινὰς παραλαμβάνεσθαι. Καὶ οὕτως εὐρεθήσεται τῶν ἐπὶ γῆς δαιμόνων, λαχόντων διαφοροὺς τόπους, φέρεσθαι τὰ ὀνόματα οἰκείως ταῖς κατὰ τόπον καὶ ἔθνος διαλέκτοις. Анализ этого отрывка и шире — взглядов Оригена и последующей традиции на действенность имени см. в: *Dillon J. The Magical Power of Names in Origen and Late Platonism // Origeniana Tertia. The Third International Colloquium for Origen Studies / Ed. R. Hanson, H. Crouzel. Rome, 1985. P. 203–216 и особенно 206–207.**

³⁰ Примеры «бессмысленных» магических заклинаний, обращенных к демонам с целью их заставить, во множестве сохранились в греческих магических папирусах и далее в византийской письменности; для ранней эпохи см.: *Papyri Graecae Magicae. Die Griechischen Zauberpapyri / Hrsg. K. Preisendanz, A. Henrichs. Bd. 1–2. Stuttgart, 1973–1974; The Greek Magical Papyri in Translation. Including the Demotic Texts / Ed. H.D. Betz et al. Chicago, 1986; для византийского времени см. первый том в: *Delatte A. Anecdota Atheniensia et alia. Vol. 1–2. P., 1939.**

ственность языков мира, как результат Божественного Провидения³¹. Христианские мыслители были безразличны к «лингвистическим идеологиям», столь важным для еврейской мысли. Временами византийцы ссылались на протологический характер еврейского, признавая, что он является языком творения, языком Адама и ангелов, однако это никогда не влекло за собою признания за ним какой-либо особой роли в богословской теории и церковной практике³².

1.3. Происхождение имен

Проблема происхождения разных языков связана с еще одной обширной темой. Я имею в виду хорошо известный спор о связи между именами и сущностью вещей, которые имена обозначают. Этот спор восходит к античной философии, а именно к проблематике Платоновского «Кратила». Значительно редуцируя сложность и оттенки проблемы, поставленной в «Кратиле», и ее последующее развитие в философии, сформулирую ее следующим образом: вопрос состоял в том, являются ли имена в языке результатом установления (θέσει), временами понимавшегося как произвольное именование, или же они происходят из природы вещей (φύσει). Согласно платоникам и стоикам, имя исходит из внутренних качеств означаемой вещи и отражает ее истинную сущность (*натуралистская концепция*). Напротив, Аристотель настаивал на условном характере имен и произвольной связи между именем и означаемым объектом (*конвенционалистская концепция*)³³.

Евсевий Кесарийский полагал, что Адам наделял именами (Быт. 2:19–20 и 23) исходя из природы поименованных (κατὰ φύσιν τεθεῖσθαι), возможно, подразумевая, что именно поэтому еврейские имена являются единственно истинными³⁴. В свою очередь Иоанн Итал в XI в. защищает идею Аристотеля, утверждая, что содержание мысли у разных народов одно, но звуки, выражающие эти мысли, разные; как речь, так и письменность у разных народов сформировались не из природы (οὐκ ἔστι φύσει)³⁵.

Парадигматическим примером столкновения двух трактовок в христианской мысли является концепция неоарианского (аномианского) епископа Евномия и критика его богословия Василием Великим и Григорием Нисским³⁶. Евномий

³¹ В дополнение к обсужденным у меня темам, касающимся роли языка в патристике, см.: *Borst A.* Der Turmbau von Babel... Bd. 1. S. 218–292, а также полезный историографический обзор с учетом новейшей библиографии: *Minets Y.* The Slow Fall of Babel: Conceptualization of Languages, Linguistic Diversity and History in Late Ancient Christianity / PhD dissertation, Catholic University of America. Washington, D.C., 2017.

³² *Poirier J.C.* The Tongues of Angels... P. 26–27; *Hilhorst T.* The Prestige of Hebrew in the Christian World...

³³ Анализ Платоновского диалога в интересующем нас ракурсе происхождения языка см., например в: *Schrastetter R.* Die Sprachursprungsfrage in Platons Kratylos // Theorien vom Ursprung der Sprache... Bd. 1. S. 42–64.

³⁴ *Eusebius Werke.* Band 8: Die Praeparatio evangelica / Ed. K. Mras [Die griechischen christlichen Schriftsteller. Bd. 43.2]. B., 1956. 11.6.8–9; *Del Cogliano M.* Basil of Caesarea's anti-Eunomian theory of names: Christian theology and late-antique philosophy in the fourth century Trinitarian controversy. Leiden; Boston, 2010. P. 89.

³⁵ *Joannes Italos.* Quaestiones quodlibetales (Ἀπορίαι καὶ λύσεις) / Ed. P.-P. Joannou. Ettal, 1956. 28.124–134; *Иоанн Итал.* Апории / Вступ. ст. и пер. с греч. А.Е. Карначёва. СПб., 2013. С. 98–99.

³⁶ Обсуждение проблемы и анализ существующих на нее точек зрения см. в: *Бирюков Д.С.* Поле-

развивает подход стоиков, утверждая, что по крайней мере часть имен выводима из сущности означаемых объектов, ибо Сам Бог присвоил им имена³⁷. Напротив, св. Василий и св. Григорий развивали аристотелевскую идею условного характера имен. Аргументация Григория Нисского в этом вопросе выглядит более строгой и ясной.

Св. Григорий, полемизируя с Евномием, утверждает: «Получив от Бога способность говорить и произносить [звуки] и голосом выражать желаемое, естество [наше] действует [само собой], налагая на существующие предметы некоторые знаки через посредство известного различия звуков»³⁸. Далее, Григорий Нисский сочетает Аристотеля с Библией: «Если же кто смешение [языков] при Столпотворении представит как противоречие сказанному, то [в Св. Писании] не говорится, что Бог творит языки людей, но [говорится, что] Он смешивает уже существующий язык, чтобы не все понимали всех»³⁹.

Таким образом, существовало две противоположные идеи о возникновении многоязычия: во-первых, человеческие языки были хотя бы отчасти производными от сущности означаемых объектов, т. е. в конечном счете созданы Богом, а во-вторых, возникновение языков было результатом сугубо человеческой деятельности.

I.4. Классификация языков

Из рассмотренных выше толкований небесных и человеческих языков можно реконструировать следующую базовую иерархию, каким бы ни было содержание каждого из этих элементов; эту классификацию можно условно назвать византийской космологической иерархией языков:

- 1) Язык Бога
- 2) Ангельский язык
- 3) Язык демонов
- 4) Человеческий язык

В отношении многоязычия людей эта классификация нашла свое продолжение в составлении списков народов (и, соответственно языков), возникших после Столпотворения. Список мог состоять из 72 или 70 названий народов. Наиболее ранний из сохранившихся восходит к III в. (Ипполит Римский⁴⁰), а далее

мика свт. Григория Нисского и Евномия в контексте античных логических учений // Проблемы теологии. Вып. 4. Материалы IV Международной богословской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2007. С. 87–93; *Birjukov D. Strategies of Naming in the Polemics between Eunomius and Basil of Caesarea in the Context of the Philosophical Tradition of Antiquity* // *Scrinium. Revue de patrologie, d'hagiographie critique et d'histoire ecclésiastique*. 2008. T. 4. P. 103–121, а также: *Del Cogliano M. Basil of Caesarea's anti-Eunomian theory...*

³⁷ Ориген, Евсевий, а позже, например, Михаил Пселл разделяли именно эту концепцию происхождения по крайней мере части имен: *Dillon J. The Magical Power of Names...* P. 210–211.

³⁸ *Gregorii Nysseni opera*, 2.1.243: οὕτως καὶ τὸ δύνασθαι λαλεῖν τε καὶ φθέγγεσθαι καὶ τὸ διὰ φωνῆς ἐξαγγέλλειν τὸ βούλημα παρὰ τοῦ θεοῦ λαβοῦσα οὐδὲ πορεύεται διὰ τῶν πραγμάτων ἢ φύσις, σημεῖά τινα τοῖς οὖσι διὰ τῆς ποιᾶς τῶν φθόγγων διαφορᾶς ἐπιβάλλουσα.

³⁹ *Ibid.* 2.1.252–53: εἰ δὲ τις τὴν ἐπὶ τῆς πυργοποιᾶς σύγχυσιν ὡς ἐναντιουμένην τοῖς εἰρημένοις προφέρει, οὐδὲ ἐκεῖ ποιεῖν λέγεται γλώσσας ὁ θεὸς τῶν ἀνθρώπων, ἀλλὰ συγχεῖν τὴν οὖσαν, ὡς ἂν μὴ πάντες πάντων ἄκούοιεν.

⁴⁰ *Hippolytus Werke / Hrsg. R. Helm (post A. Bauer)*. Bd. 4. B., 1955. § 200.1–28; *Borst A. Der Turmbau*

в византийской письменности они фиксируются начиная с VII в. («Пасхальная хроника»⁴¹). У Ипполита перечисление начинается с «евреев и иудеев» и «персов». Разнящееся число народов/языков в этих списках — 72 или 70, — восходит к агадической и талмудической литературе, в то время как их конкретное этнолингвистическое содержание включает в себя данные из греко-римской традиции. Эти списки в византийской традиции назывались Διὰ τριῶν γλῶσσῶν, т. е. «Разделение»⁴². Патриарх Никифор I (ок. 758–828) уточнял, что языки появились по количеству возникших в результате Столпотворения народов (но не наоборот — народы не появились по числу языков)⁴³.

Можно выделить другие независимые классификации языков, восходящие либо к библейской традиции, либо к древней науке.

Во-первых, это концепция трех основных языков человечества, которая произошла из толкований трехязычной надписи на кресте Иисуса — на еврейском, латинском и греческом языках, как это сообщается в Евангелиях от Иоанна и Луки (Иоан. 19:19–20; Лук. 23:38). Это свидетельство Нового Завета породило огромную герменевтическую традицию, в которой наиболее радикальная трактовка утверждала, что Священное Писание может существовать только на этих трех священных языках (концепт *Tres linguae sacrae*). Перипетии идеи трех священных языков на Западе и в Византии обсуждались весьма подробно и много раз, в частности, Франтишеком Дворником, Владимиром Вавжинском, Игорем Шевченко, Жильбером Дагроном и многими другими⁴⁴. Вместе с тем, три языка, избранные для надписи на кресте, могли пониматься не столько в богословском, сколько в историософском смысле, как формулировал это Михаил Пселл: латинский язык означает практическую активность и мощь римского начала, греческий указывает на эллинскую мудрость о физическом мире, а еврейский язык — на познание истинного Бога⁴⁵.

Во-вторых, обнаруживается астрологическая систематизация языков, тяготеющая по своим принципам к античной науке. Анонимный трактат XIV в. (Монах., по. 287) сообщает, что Сатурн покровительствует египетскому и еврейскому языкам, Марс — персидскому, Солнце — франкскому языку и частично греческому, Меркурий покровительствует тюркскому и хазарскому языкам, соучаствуя с Солнцем в греческом языке. Интересно, что по своей космологической природе греческий язык близок франкскому и тюркскому языкам, имея Солнце и Меркурий в качестве покровителя. Таким образом, греческий, тюркский и франк-

von Babel... Bd. 1. S. 297–298; Bd. 2. S. 932–936 (текст списка Ипполита). См. также: *Major T.* The Number Seventy-Two: Biblical and Hellenistic Beginnings to the Early Middle Ages // *Sacris Erudiri*. 2013. Vol. 52. P. 7–46.

⁴¹ *Chronicon Paschale* / Rec. L. Dindorf. T. 1. Bonn, 1832. P. 56.12–57.17.

⁴² *Scott J.M.* Geography in Early Judaism and Christianity: the Book of Jubilees. Cambridge, 2003. P. 135–158.

⁴³ *Nicephori Archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica* / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880. P. 84.7–10 (о Фалеке): κατὰ τοῦτον ἡ πύργωποιῖα συνέστη καὶ ἀπὸ μιᾶς τῆς πάλαι διαλέκτου πολυφωνία γέγονε καὶ καθ' ἕκαστον ἔθνος τῶν γλωσσῶν διαφορὰ. Подробнее см.: *Borst A.* Der Turmbau von Babel... Bd. 1. S. 301.

⁴⁴ Библиографию вопроса см. в: *Dagron G.* Formes et fonctions du pluralisme linguistique... P. 243–253, а также: *Richter M.* Concept and evolution of the *tres linguae sacrae* // *Language of Religion — Language of the People. Medieval Judaism, Christianity and Islam* / Ed. E. Bremer. München, 2006. P. 15–24; *Hilhorst T.* The Prestige of Hebrew... P. 782–784.

⁴⁵ *Michaelis Pselli orationes hagiographicae* / Ed. E.A. Fisher. Stuttgart, 1994. 3b.370–378.

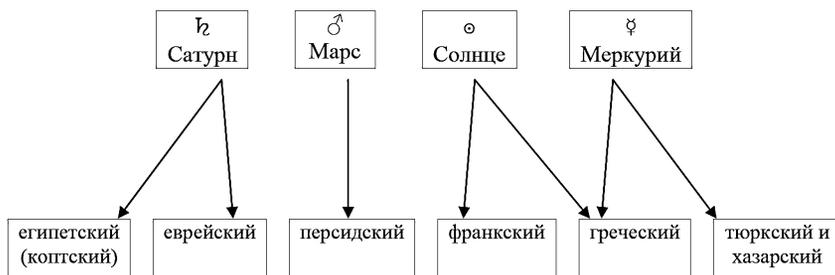

Рис. 1. Астрологическая классификация языков

ский, принадлежа к одной группе, противопоставляются «чуждым» азиатским языкам — египетскому, еврейскому и персидскому (см. рис. 1)⁴⁶.

Как мне уже приходилось подробно писать, византийцы классифицировали народы посредством локативных критериев базируясь на античных астрологических и географических концепциях. Хотя для классификации народов языковая идентичность играла второстепенную роль, тем не менее языки рассматривались связанными с народами и племенами (см. выше). Поэтому византийскую этногеографическую структуру мира можно с должной оговоркой рассматривать и как своего рода лингвистическую классификацию. Однако преобладание локативного критерия иногда приводило к присвоению одного имени различным языкам. В частности, я имею в виду здесь широко известный термин «римский язык» (Ρωμαϊκή γλῶσσα), означавший одновременно латинский и греческий, и «персидский язык» (Περσική γλῶσσα), обозначавший одновременно персидский и тюркский языки; об этом я писал весьма подробно в других работах. Такое присвоение одного имени двум разным языкам было, как мне кажется, своеобразной чертой византийской ментальности, подобную которой я не встречал в других культурах⁴⁷.

Как мы видим, византийское христианство по сравнению с греко-римской античностью и иудаизмом весьма парадоксальным образом, с одной стороны, в большей степени ориентировалось на многоязычие, но с другой стороны, в неизмеримо меньшей степени интересовалось проработкой обобщающей лингвистической теории или идеологии⁴⁸. Разные тенденции в византийской мысли, которые проистекали из разных источников и традиций и которые даже взаимоисключали друг друга, продолжали сосуществовать непримиренными. Эти концептуальные противоречия, как кажется, никогда не проблематизировались самой византийской мыслью.

⁴⁶ ССAG. Vol. 7. P. 96.16–17, 97.27–28, 98.5–6, 98.31–32, а также подробнее: Шукуров Р.М. Тюрки в византийском мире (1204–1461). М., 2017. С. 95–96.

⁴⁷ Подробнее см. в: Шукуров Р.М. Тюрки в византийском мире... С. 52–79, 87–95.

⁴⁸ Об античных концепциях языка см., в частности: Верлинский А.Л. Античные теории о возникновении языка. СПб., 2006; Gera D.L. Ancient Greek Ideas on Speech, Language, and Civilization. Oxford, 2003.

II. Многоязычие в византийской текстуальной культуре

II.1. Словари

Следующая тема — проблема многоязычия в текстуальной культуре. Одним из главных показателей интереса культуры к иностранным языкам является создание двуязычных лексиконов. Можно подумать, что византийцы были равнодушны к словарям и не создали традиции двуязычных лексиконов, сравнимой по объему и значимости с лексикографической продукцией средневековой Европы, славянского Севера и мусульманского Востока. Однако это обвинение не вполне справедливо. Византийская традиция двуязычных лексиконов в действительности существовала, но она не была одинаково активной на протяжении всей истории византийской цивилизации.

Первый период византийской словарной традиции приходится на ранневизантийское время до VI или VII вв. Мы знаем для этого времени об одном египетско-греческом лексиконе и целом ряде латино-греческих словарей. Авторство толкового египетского словаря, переведенного на греческий неким Филиппом, приписывается Гореполлону (ок. V в.)⁴⁹. Лексикон представляет собой список греческих терминов с их иероглифическими египетскими аналогами, которые понимались как логограммы. Словарные статьи систематизированы по темам, однако не удается проследить осмысленного порядка ни в греческих словарных статьях, ни в списке иероглифических логограмм. В целом, словарь Гореполлона имел весьма ограниченное практическое значение. Более того, будучи известным на Западе с XV в., он фактически препятствовал истинной расшифровке иероглифов вплоть до времени открытия и расшифровки Розеттского камня⁵⁰.

В отличие от словаря Гореполлона, традиция латинско-греческих и греко-латинских словарей и разговорников была весьма развитой и отчетливо ориентированной на практическое применение — изучение латинского языка и чтение латинских текстов. Большинство этих словарей возникало с III в. и не позднее VII в. К тому же периоду относятся элементарные греко-латинские фразеологические словари с расхожими словами и выражениями. В них используются как алфавитные, так и архаические тематические типы систематизации. Рукописи этих словарей известны с X в. и до конца византийской эпохи, что указывает на их востребованность на протяжении всего существования империи⁵¹.

После перерыва в несколько столетий новое оживление в создании оригинальных глоссариев приходится на поздневизантийское время. Поздние лекси-

⁴⁹ *Horapollon. Hieroglyphika (translatio Philippi)* / Ed. F. Sbordone. Napoli, 1940; *Des Niloten Horapollon Hieroglyphenbuch* / Hrsg. und übers. H.-J. Thissen. Bd. 1. München; Leipzig, 2001.

⁵⁰ Библиографию см. в: *Frahm E. Decipherment, D: Egyptian Scripts* // Brill's New Pauly. Encyclopaedia of the Ancient World / Ed. H. Cancik, H. Schneider, M. Landfester et al. Vol. 1. Leiden, 2006. Col. 1140–42. Оценку словаря Гореполлона дешифровщиками египетской письменности см., например, в: *Champollion J.-F. Précis du système hiéroglyphique des anciens égyptiens*. P., 1824. P. 299–302.

⁵¹ *Corpus Glossariorum Latinorum* / Ed. G. Goetz et al. T. 1–7. Leipzig, 1888–1923. T. 2–3; *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Ostroemischen Reiches*. 2. Auflage. München, 1897. S. 561–562; *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. Bd. 2. München, 1978. S. 34–35. См. также Интернет-портал: *Corpus Grammaticorum Latinorum* (<http://kaali.linguist.jussieu.fr/CGL/>).

коны фиксируют исключительно техническую терминологию: это ряд арабо-греческих и персо-греческих медицинских справочников (особенно ботанических). Лишь немногие из них содержали арабографичные оригиналы, в большинстве случаев арабская графика передавалась греческими буквами⁵². К этой категории терминологических глоссариев можно добавить многочисленную серию метономасий (μετονομασίαι), т. е. списков соответствия старых и новых географических названий, самый ранний из которых восходит к XII в. Содержание этих списков охватывало географические названия как внутри Византийской империи, так и за ее пределами, включая славянские, арабские и тюркские топонимы⁵³. Ботанические лексиконы и метономасии имели сугубо практическое предназначение.

Иностраный лексический материал был представлен не только в лексиконах, но и в общих лексикографических сборниках, таких как лексикон Исихия (VI в.), *Etymologicum Magnum* (XII в.) и т. п., которые содержат толкования латинских и персидских слов. Что касается персидской лексики, то она была представлена почти исключительно древнеперсидскими, парфянскими и пехлевийскими элементами, которых особенно много в энциклопедии Суда (X в.)⁵⁴. Тут можно упомянуть и лексикон иностранных слов с греческим переводом из возглашений, произносившихся в ходе «готской игры» в императорском дворце⁵⁵. Однако эти лексикографические компендиумы не имели практического значения для работы с иностранными языками.

II.2. Переводы текстов (комментарии к списку Э. Калделлиса)

Хотя византийская словарная традиция представляется довольно скромной, количество греческих переводов с иностранных языков впечатляет — это сотни текстов. В этом разделе я опираюсь на предварительный библиографический список византийских переводов с других языков, составленный Энтони Калделлисом и великодушно размещенный им на Интернет-портале *Academia.edu*⁵⁶.

⁵² См., например: *Delatte A.* Le lexique de botanique du Parisinus Graecus 2419 // *Serta Leodensia ad celebrandam patriae libertatem iam centesimum annum recuperatam composuerunt philologi leodenses. Mélanges de philologie classique publiés à l'occasion du centenaire de l'indépendance de la Belgique.* Liège, 1930. P. 59–101; *Thomson M.H.* Textes grecs inédits relatifs aux plantes. P., 1955. N. 10 (P. 139–168); *Gutas D.* Arabic into Byzantine Greek: Introducing a Survey of the Translations // *Knotenpunkt Byzanz: Wissensformen und kulturelle Wechselbeziehungen* / Hrsg. A. Speer, Ph. Steinkrüger. Köln, 2012. P. 246–264; *Touwaide A.* Arabic medicine in Greek translation. A preliminary report // *Journal of the International Society for the History of Islamic Medicine.* 2002. Vol. 1/1. P. 45–53.

⁵³ Подробнее: *Шукуров P.M.* Тюрки в византийском мире... С. 470–471.

⁵⁴ *Hesychii Alexandrini lexicon* / Ed. K. Latte, P.A. Hansen, I.C. Cunningham et al. T. 1–4. Copenhagen, 1953, 1966; Berlin, 2008, 2009; *Suida Lexicon...*; *Etymologicum Magnum Genuinum, Symeonis Etymologicum una cum Magna Grammatica, Etymologicum Magnum Auctum* / Ed. F. Lasserre, N. Livadaras. T. 1–2. Roma, 1976; Athena, 1992.

⁵⁵ *Constantin VII Porphyrogénète.* Le livre des cérémonies. Texte... T. 2. P. 186 (I. 92/83); *Commentaire.* T. 2. P. 188–191.

⁵⁶ *Kaldellis A.* Catalogue of Translations into Byzantine Greek from Texts in any Other Language, 300–1453 AD URL: https://www.academia.edu/32833987/CATALOGUE_OF_TRANSLATIONS_INTO_BYZANTINE_GREEK_FROM_TEXTS_IN_ANY_OTHER_LANGUAGE_300-1453_AD_VERSION_II_ (доступ 24.06.2017).

Здесь я попытаюсь обобщить собранный Калделлисом материал по византийским переводам. Во-первых, это список языков, с которых существовали греческие византийские переводы (табл. 1).

арабский (араб.)	армянский (арм.)	грузинский (гр.)
еврейский ? (евр.)	итальянский (ит.)	французский (фр.)
коптский (копт.)	латинский (лат.)	персидский (перс.)
сирийский (сир.)	славянский (сл.)	тюркский ? (тюрк.)

Таблица 1. Список языков исходных текстов

Этот список языков исходных текстов представляет наиболее культурно и текстуально активные народы как внутри, так и за пределами византийского мира. Причем, тут представлены и мусульманский, и христианский Восток, Западная Европа и славянский Север.

Не менее любопытно жанровое распределение византийских переводов. В табл. 2 дан приблизительный список жанров (сокращения для названий языков см. в табл. 1):

	лат.	сир.	араб.	арм.	перс.	сл.	тюрк.	копт.	гр.	евр.	ит.	фр.
Право	*											
Богословие	*	*	*									
Агиография	*	*	*	*		*		*	*	*?		
Церковное право	*											
Философия	*											
Риторика	*											
История	*	*	*	*	*	*	*					
Наука	*		*		*					*?		
Тактика	*											
Литература	*	*	*								*	*
Акты	*		*		*	*					*	*

Таблица 2. Жанры переводов

Во-первых, как видно из таблицы, только латынь охватывает все многообразие жанров. Конечно, для раннего времени и вплоть до VII в. латынь нельзя квалифицировать как иностранный для Византии язык. Латинский и греческий языки сосуществовали в режиме диглоссии, при этом оба языка воспринимались как «родные» языки империи⁵⁷. В частности также и это отразилось в применении к обоим языкам одного обозначения — Ρωμαϊκῆ γλῶσσα, которое обсуждалось чуть выше, но с иной точки зрения.

Сирийский, армянский, славянский и грузинский языки представлены преимущественно переводами религиозной традиции — богословской и агиографической. Случай с арабоязычной традицией весьма интересен: арабский явился поставщиком и христианских религиозных текстов, и научных трактатов, и

⁵⁷ *Dagron G. Aux origines de la civilisation byzantine... P. 205–231.*

век	язык											
	лат.	сир.	араб.	арм.	перс.	сл.	тюрк.	копт.	гр.	евр.	ит.	фр.
IV	*							*				
V	*	*										
VI	*			*	*							
VII	*	*										
VIII	*	*	*									
IX	*	*	*									
X	*		*							*		
XI	*		*									
XII	*	*	*		*	*						
XIII	*		*		*						*	*
XIV	*		*		*	*					*	*
XV	*		*		*	*	*		*		*	*

Таблица 3. Хронология переводов

художественной литературы⁵⁸. Персидские тексты представлены исключительно научными трактатами. Роль еврейского пока не изучена: мы до сих пор не знаем, в какой степени оригинальная аггадическая и талмудическая традиции повлияли на византийскую агиографию, а также сыграл ли какую-либо роль еврейский в переводе на греческий астрологических трактатов, принадлежавших перу иудеев⁵⁹.

Хронологически переводы на греческий создавались на протяжении всей истории Византийской цивилизации, хотя интенсивность переводческой деятельности в разные века различалась (см. табл. 3).

В хронологическом распределении переводов вновь усматривается безусловное преобладание латыни. И вновь проявляется весьма важная роль арабского языка. Это вполне объяснимо: латиноязычная и арабоязычная традиции с какого-то времени стали двумя главными резервуарами знаний за пределами грекоязычного мира. Причем, начиная с XII–XIII в. расширяется диапазон языков, с которых производились переводы на греческий, включая славянские, персидский, французский и итальянский.

⁵⁸ Сводку сведений о переводах с арабского с репрезентативной библиографией см.: Charalampos M. Traduction de l'arabe au grec // Encyclopédie de l'humanisme méditerranéen / Ed. Houari Touati. Printemps 2014. URL: <http://www.encyclopediehumanisme.com/?Traductionsdelarabeaugrec>. О переводной медицинской литературе см.: Touwaide A. Medicinalia Arabo-Byzantina, première partie: manuscrits et textes. Madrid, 1997; Congourdeau M.-H. La médecine byzantine à la croisée de l'Orient et de l'Occident // Knotenpunkt Byzanz... P. 223–231.

⁵⁹ О некоторых гипотетических переводах с еврейского см.: Tihon A. De même qu'on peut voir les abeilles se poser sur tous les boutons de fleurs... Les astronomes byzantins entre Orient et Occident // Byzantium as Bridge between West and East / Ed. Ch. Gastgeber, F. Daim. Wien, 2015. P. 287–289.

III. Типология лиц, практиковавших многоязычие

Третий комплекс проблем касается типологии лиц, которые практиковали многоязычие в текстовых переводах и в пространстве разговорного общения с иностранцами.

Использование иностранных языков часто упоминалось среди следующих трех категорий византийцев: 1) собственно иностранцы, которые по воле судьбы оказались на византийской территории и стали подданными императора; 2) грекоязычные иммигранты, которые приехали в Византию с бывших византийских территорий, таких как Италия, Балканы, Ближний Восток, Анатолия и т. д.; 3) местные византийцы, которые так или иначе изучили иностранный язык⁶⁰.

Большинство говорящих на иностранных языках в византийском мире были двуязычными или многоязычными по рождению — либо иностранными иммигрантами, либо репатрированными греками из бывших византийских земель. Некоторые носители иностранного языка были «миксоварварами», т. е. потомками смешанных браков между греками и иностранцами, т. е. опять двуязычными по рождению. Это, в частности, объясняет, почему византийцы не нуждались в двуязычных словарях: большинство византийских переводчиков, будучи двуязычными по рождению, сами по себе оказывались живыми словарями.

1. Первая из названных категория иностранных иммигрантов часто играла роль переводчиков. В эту группу входят наемные солдаты, пленные и рабы, «политические» беженцы, заложники и, наконец, различные переселенцы, которые по какой-то причине оказались в Византии. Так, высокородный славянин Радомир в армии Алексия I Комнина, оказавшись в плену у тюрок, изучил тюркский язык и использовал его в своем общении с врагом⁶¹. В Константинополе первой половины XII в. носителями латинской грамоты были Цербано Цербани (Cerbano Cerbani), Яков Венецианский (Jacobus Veneticus), Моисей из Бергамо, Бургундио Пизанский⁶².

Мы знаем о переводчиках при английской дворцовой гвардии в XII в., которые предположительно переводили с англосаксонского⁶³. Так одна из печатей принадлежит некоему Сфену (Свен) и несет на себе следующую легенду: Ὁ ἅγιος Γεώργιος ἢ Κύριε βοήθει Σφένι πατρικίῳ καὶ διερμηνευτῆ τῶν Ἑνκλίῳν («Св. Георгий ἢ Господи, помоги патрикию и переводчику англичан»)⁶⁴. Другая печать принадлежала Константину Куртику: Ὁ σεβαστὸς καὶ διερμηνευτῆς τῶν πιστοτάτων

⁶⁰ Об этих категориях нам уже приходилось писать в применении к поздневизантийской ситуации: *Шукуров Р.М.* Тюрки в византийском мире... С. 484–508. См. также: *Congourdeau M.-H.* La médecine byzantine... P. 227–228.

⁶¹ *Annae Comnenae Alexias / Rec. A. Kambylis et D.R. Reinsch. B.; N.Y., 2001. 11.2.9.2–5: οὐδ' αὐτὸς ἀδαῖς τῆς τοιαύτης ἦν διαλέκτου.* О Радомире см.: *Skoulatos B.* Les personnages byzantins de l'Alexiade. Analyse prosopographique et synthèse. Louvain, 1980. P. 274–275 (No 179)

⁶² *Suarez A.R.* From Greek into Latin: Western Scholars and Translators in Constantinople during the Reign of John II // *John II Komnenos, Emperor of Byzantium: in the Shadow of Father and Son / Ed. A. Bucossi, A. Rodríguez Suarez. L.; N.Y., 2016. P. 91–109.* О знатоках латинского, отправленных константинопольским двором в качестве послов в Западную Европу в XIV–XV вв., среди которых были и иммигранты см.: *Mergiali-Sahas S.* A Byzantine Ambassador to the West and His Office during the 14th and 15th Centuries: A Profile // *BZ. 2001. Bd. 94. P. 588–604.*

⁶³ ODB. Vol. 1. P. 698–699.

⁶⁴ PBW (consulted 24.06.2017). Boulloterion No 1466.

Ἰγγλίνων Κωνσταντῖνος ὁ Κουρτίκης («Севаст и переводчик вернейших англичан Константин Куртик»)⁶⁵. По всей видимости, оба переводчика (несмотря на латинско-греческое крестное имя второго из них) были англосаксами, осевшими в Византии и знавшими хорошо греческий, или же потомками англосаксов.

Иноязычные переселенцы участвовали в дипломатических посольствах. Например, анонимный переводчик Константина IV (668–685), который, очевидно, был славянином, вел переговоры со славянским князем Первундом в VII в.⁶⁶ Во времена Андроника II можно вспомнить пресловутого монгольского шамана Коджабахши, который, в частности, был послом императора в Золотой Орде, и двух братьев Аксанкура и Бахадур — византийских посланников в Каир⁶⁷. Подобных примеров в долгой истории Византии множество.

Фактическое двуязычие недавних иммигрантов подтверждается довольно большой группой печатей, принадлежавших византийским чиновникам, которые говорили на арабском и греческом языках. Это, например, арабо-греческая печать XII в. вестарха Даниила (DO 55.1.4568): +al-Barakat min Allāh li Danyāl || Κ(ύρι)ε βοή(θει) Δανιήλ βε(σ)τάρ(χη) («Благословение Божие Даниалу || Господи, помоги вестарху Даниилу»)⁶⁸. Другая арабо-греческая печать XII в. принадлежала вестарху Мухумету (DO 55.1.4570): Muḥammad Abū al-Naṣr al-Ṣāliḥī || Βεσ(τ)άρ(χη)ς Μουχουμέτ («Мухаммад Абу ал-Наср ал-Салихи || Вестарх Мухумет»)⁶⁹. Скорее всего, Даниал (Даниил) был христианином-арабом, хотя имя Даниал было приемлемо и для мусульманина. Имя Мухаммад Абу ал-Наср ал-Салихи безошибочно указывает на мусульманское происхождение его владельца. Прецедент Мухаммада подтверждает, что в период византийской «реконкисты» Сирии и Армении византийские чины и титулы могли получать и иноверцы, что в целом было нетипичным для византийской практики⁷⁰. Наиболее ранний образчик арабо-греческих печатей зафиксирован для VIII в., а наибольшее их число относится к XI–XII вв.⁷¹ Для того времени хорошо известны также печати сирийско-греческие и армянско-греческие⁷².

⁶⁵ PBW (consulted 24.06.2017). Boulloterion No 3919.

⁶⁶ PmbZ. No 10718; PBE (consulted 24.06.2017). Anonymus No 555: τινα τῶν βασιλικῶν ἐρμηνευτῶν.

⁶⁷ Шукуров Р.М. Тюрки в византийском мире... С. 318–320, 497.

⁶⁸ Zode Кл. Византийские печати как средство презентации личностной и социальной идентичности // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. Ист. 2015. № 3 (33). С. 9–10; однако в статье К. Зода отсутствует транскрипция арабской легенды, а перевод с арабского не точен.

⁶⁹ Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 1–3. Sofia, 2003–2009. No 515; PBW (consulted 24.06.2017). Boulloterion № 5566; Zode Кл. Византийские печати... С. 10–11; однако в статье К. Зода отсутствует транскрипция арабской легенды, так же не точно чтение арабографического имени Мухаммада.

⁷⁰ Другие примеры арабо-греческих печатей см.: Cheynet J.-C. L'anthroponymie aristocratique à Byzance // L'anthroponymie, document de l'histoire sociale des mondes méditerranéens médiévaux / Éd. M. Bourin, J.-M. Martin and F. Menant. Rome, 1996. P. 267–294; Idem. L'apport arabe à l'aristocratie byzantine des Xe–XIe siècles // Idem. La société byzantine. L'apport des sceaux. T. 1–2. P., 2008. T. 2. P. 627–646; Idem. Du prénom au patronyme: les étrangers à Byzance (X^e–XIIe siècles) // Studies in Byzantine Sigillography / Éd. N. Oikonomides. Washington, 1987. P. 57–66; Heidemann S., Sode Cl. Christlich-orientalische Bleisiegel im Orientalischen Münzkabinett Jena // ARAM. 1999–2000. Vol. 11–12. P. 545 (№ 1), 548–555 (№ 5–15); Zode Кл. Византийские печати... С. 6–18.

⁷¹ Heidemann S., Sode Cl. Christlich-orientalische Bleisiegel... P. 544–545.

⁷² См., например: Ibid. P. 555–560.

По крайней мере, начиная с XI в. известны монастырские греческие акты, подписанные на славянском, грузинском, армянском, латинском языках местными монахами иностранного происхождения, которые, как можно думать, знали и греческий. Приведу несколько примеров. Симеон, игумен Зографа на Афоне, подписал на славянском один из актов Пантелеимоновского монастыря (1169 г.): «**Сѣмѣшнѣ ингкѣ и игоуменѣ Зографо написалѣ**»⁷³. На греческом и армянском подписывали документы *prot* Феоктист в 1035 г.⁷⁴ и Григорий Пакуриан в 1083 г. (знаменитый типик последнего)⁷⁵. В акте Лавры 1035 г. обнаруживается и латинская подпись некоего амальфийского монаха Иоанна: «+J(o)h(anne)s hum(ilis) mo(na)chus Amalfitanus»⁷⁶. Грузинские подписи появляются под греческими актами с 1044 г. в документах Иверского монастыря на Афоне⁷⁷.

2. Вторая категория грекоязычных иммигрантов состояла из лиц, переселившихся в Византию с бывших византийских территорий, в том числе этнических греков из Южной Италии, мусульманской Сирии и Анатолии, славянских и тюркских Балкан и придунайских регионов и т. д.

Эта категория лиц довольно многочисленная и культурно значимая. Многие грекоязычные иммигранты исполняли функции переводчиков и дипломатов, однако их историческая роль состояла прежде всего во вкладе в византийскую текстуральную культуру. Грекоязычные иммигранты произвели большую часть византийских переводов с сирийского, арабского, персидского, славянского, армянского и грузинского языков. Список переводчиков составляет десятки имен. Хронологически мы встречаем таких лиц в источниках со времен территориальных потерь империи в VII–VIII вв. Один из ранних примеров представлен богословом VIII–IX вв. Михаилом Синкеллом, который родился в Иерусалиме (ок. 760/761–846) и получил там хорошее греческое образование⁷⁸. Хотя Михаил Синкелл был иранцем по происхождению⁷⁹, он известен как автор перевода с арабского языка исповедания веры Феодора Абу-Курры⁸⁰, следовательно,

⁷³ Actes de Saint-Pantéléèmôn / Éd. P. Lemerle, G. Dagron, S. Çirkoviç. P., 1982. No 85.59.

⁷⁴ Actes de Lavra / Éd. P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, D. Papachryssanthou, S. Çirkoviç. T. 1. P., 1970. No 29; *Бартикян Р.М.* Армянская подпись прота Великой Лавры Феоктиста (К вопросу о деятельности армян-халкедонитов на Афоне) (на армянском яз.) // *Он же.* *Studia armenobyzantina.* Т. 1. Ереван, 2002. С. 321–326.

⁷⁵ *Бартикян Р.М.* Армянская подпись... С. 324; *Gautier P.* Le typikon du sébaste Grégoire Pakourianos // *RÉB.* 1984. Vol. 42. P. 5–145. См. также: *Арутюнова-Фиданян В.А.* Типик Григория Пакуриана. Ереван, 1978.

⁷⁶ Actes de Lavra. Т. 1. No 29.21 (P. 186).

⁷⁷ Actes d'Iviron / Éd. J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou, H. Métrévéli. Т. 1. P., 1985. No 28.39–42 (P. 250–251).

⁷⁸ *PmbZ.* No 5059.

⁷⁹ *Cunningham M.* The Life of Michael the Synkellos. Belfast, 1991. P. 44.16–17: Περσογενής δὲ ὑπῆρχεν ἐκ προγόνων, καθὼς αὐτὸς ἐν ταῖς αὐτοῦ ἐπιστολαῖς διαγορευθῶν γράφει. Предположение некоторых исследователей, что Περσογενής тут обозначает на самом деле арабское происхождение, не имеет оснований: см., например: *Kolia-Dermizaki A.* Michael the Synkellos // *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History* / Eds. D. Thomas et al. Vol. 1. Leiden, 2009. P. 627; *Mavroudi M.* Greek Language and Education under Early Islam // *Islamic Cultures, Islamic Contexts. Essays in Honor of Professor Patricia Crone* / Ed. B. Sadeghi, A. Ahmed, A. Silverstein, R. Hoyland. Leiden, 2015. P. 310.

⁸⁰ *PG.* Т. 97. Col. 1504D: Αραβιστὶ μὲν ὑπὸ Θεοδώρου τοῦ τὸ ἐπίκλην Ἀβουκαρᾶ, τοῦ Καρῶν ἐπισκόπου γεγονότος, ὑπαγορευθεῖσα, διὰ δὲ Μιχαὴλ πρεσβυτέρου, καὶ συγκέλλου ἀποστολικοῦ θρόνου μεταφρασθεῖσα. См. также: *PmbZ.* No 7627.

по рождению он был причастен и господствующей в ближневосточном регионе арабской образованности.

Другой яркий пример — философ и астролог Стефан Философ, который родился, вероятно, в Багдаде и оказался во второй половине VIII в. в Константинополе. Не исключено, что и он по происхождению был иранцем⁸¹. Перу Стефана принадлежит история халифов, астрологические и математические трактаты, в которых он использовал информацию, полученную из арабских источников⁸².

Другой парадигматический пример греко-говорящего иностранца представлен фигурой Симеона Сифа — философа, медика и литератора второй половины XI в. Симеон Сиф перевел с арабского знаменитый роман «Калила и Димна» (греческое название: «Стефанит и Ихнилат»), написал трактаты о диете, по ботанике, работу об обонянии, вкусе и осязании, в которых он использовал арабоязычные источники. Симеон Сиф был, скорее всего, сирийским христианином, родился, вероятно, в Антиохии, а большую часть жизни провел в Константинополе. Он умер после 1081 г.⁸³

3. Третья группа состоит из коренных греков, которые так или иначе изучили иностранный язык (славянский, латинский, персидский, тюркский и др.). Список многоязычных греков-византийцев можно начать (с некоторыми оговорками) с апостолов славян, братьев Кирилла (Константина) и Мефодия в IX в., и особенно с первого из них, который знал, помимо славянского, также и сирийский, арабский, еврейский и, скорее всего, латынь. Св. Кирилл исполнял функции также и дипломата, приняв участие в византийских посольствах в Халифат и к хазарскому кагану⁸⁴.

Однако в течение последующих четырех столетий, вплоть до XIII в., мы не встречаем ни одного коренного грека-полиглота, сопоставимого по важности со св. Кириллом, хотя с X в. переводы арабоязычной науки становились все более и более частыми, а в середине XI в. знание латыни стало обязательным в высшей правовой школе в Константинополе, по крайней мере для главы школы — номофилака⁸⁵. Возникновение интереса к изучению иностранных языков возродилось во второй половине XIII в. С Мануи-

⁸¹ *CSAG*. Vol. 2. P. 182.2: ἐγὼ δὲ ἐκ Περσίας τῆ εὐδαίμονι ταύτῃ πόλει ἐπιφοιτήσας — пишет о себе Стефан Философ, имея в виду свое пребывание в Константинополе в момент написания этих слов.

⁸² *PmbZ*. No 7014.

⁸³ *Kazhdan A. Symeon Seth // ODB*. Vol. 3. P. 1882–1883; *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur...* Bd. 2. S. 308; дополнительная информация о биографии Сифа: *Magdalino P. The Porphyrogenita and the Astrologers: A Commentary on Alexiad VI.7.1–7 // Porphyrogenita: Essays on the History and Literature of Byzantium and the Latin East in Honour of Julian Chrysostomides / Ed. C. Dendrinos et al. Aldershot, 2003. P. 19–21*; дополнения к библиографии см.: *Bouras-Vallianatos P. Galen's Reception in Byzantium: Symeon Seth and his Refutation of Galenic Theories on Human Physiology // GRBS*. 2015. Vol. 55. P. 431–469. К списку произведений Сифа, приведенному Полом Магдалино, следует прибавить по меньшей мере: *De odoratu, de gustatu et de tactu // Ideler J.L. Physici et medici Graeci minores*. Vol. 2. B., 1842. P. 283–285, а также, возможно, ботанический словарь: *Delatte A. Anecdota Atheniensia...* Vol. 1. P. 339–361.

⁸⁴ *PmbZ*. No 3927, 4975.

⁸⁵ *Novella Constitutio Saec. XI Medii a Ioanne Mauropode conscripta a Constantino IX Monomacho promulgata // Textus breves graeci et latini / Ed. A. Salač*. Vol. 1. Praha, 1954. P. 29 (§ 16.15–16: τὴν ἑλληνικὴν λέγω ταύτην καὶ τὴν ὅση ῥωμαϊκῆ); *Wolska-Conus W. L'École de droit et l'enseignement du droit à Byzance au XIe siècle: Xiphilin et Psellos // TM*. 1979. T. 7. P. 4, 18.

ла Оловола и Максима Плануда начался важнейший период переводов с латыни на греческий, в котором участвовали выдающиеся деятели византийской интеллектуальной элиты — Димитрий и Прохор Кидонисы, Мануил Калека, Феодор Гази и многие другие. Некоторые из этих интеллектуалов служили и как византийские посланники и переводчики на Западе (Оловола, Плануд, Кидонис и др.)⁸⁶.

Однако, если готовность византийцев изучать латынь вполне объяснима (в каком-то смысле они выучивали свой собственный полузабытый язык), интерес коренных византийцев к восточным языкам начиная с конца XIII в., стал абсолютно новым явлением для византийского интеллектуализма. В XIV в. император Иоанн Кантакузин хвастал своим знанием персидского языка. Не только он, но и многие другие члены византийской военной и интеллектуальной элиты были персо- или тюркофонами: великий стратопедарх Иоанн Ватац, географ Иоанн Канавуц и историк Дука⁸⁷.

Мы знаем также исконного грека-византийца, который использовал свои знания восточных языков в научной деятельности. Это Григорий (Георгий) Хиониад, византийский ученый и клирик, родившийся в Константинополе в середине XIII в. Будучи увлечен астрономией с ранней юности, он отправился сначала в Трапезунд, а затем в Тебриз, где изучал астрономию у персидского ученого и придворного Шамса Бухари (Шамс ал-Дина Бухари). В последующие десятилетия Хиониад несколько раз посетил Тебриз и стал епископом там на какое-то время. Хиониад изучил персидский и арабский языки и перевел на греческий язык тексты по астрономии и медицине, которые использовались византийскими интеллектуалами в Константинополе и Трапезунде. Кроме того, ему, возможно, принадлежит заслуга создания в Трапезунде астрологической школы, которая разрабатывала восточные методы в астрономии и астрологии. Он умер в монашестве, вероятно, в Трапезунде после 1315 г.⁸⁸

Если интерес Григория Хиониада к восточной мудрости к концу XIII в. вряд ли можно считать необычным и экзотическим для византийцев, однако деятельность Хиониада в качестве переводчика является примером редкого для Ви-

⁸⁶ Переводческому движению с латинского посвящена обширная литература, однако эта важная тема так и не оказалась предметом систематического и обобщающего исследования. Попытки обобщения в энциклопедическом жанре, включая сводку лексических заимствований из латинского и других западноевропейских языков, см.: *Abendland und Byzanz // Reallexikon der Byzantinistik / Hrsg. P. Wirth. Bd. 1. Amsterdam, 1968. S. 345–640.* См., также серию статей Элизабет Фишер с дополнительной библиографией: *Fisher E.A. Manuel Holobolos and the Role of Bilinguals in Relations Between the West and Byzantium // Knotenpunkt Byzanz... P. 210–222; Eadem. Monks, Monasteries and the Latin Language in Constantinople // Change in the Byzantine World in the Twelfth and Thirteenth Centuries / Ed. A. Ödekan, E. Akyürek, N. Necipoğlu. Istanbul, 2010. P. 390–395.*

⁸⁷ *Шукуров P.M. Тюрки в византийском мире... С. 484–508.*

⁸⁸ *Pingree D. Chioniadēs, Gregory // ODB. Vol. 1. P. 421–23; Карпов С.П. История Трапезундской империи. СПб., 2017. С. 583–85; Haramundanis K. Chioniadēs, George // Biographical Encyclopedia of Astronomers. Second Edition / Ed. Th. Hockey. New York; Heidelberg; Dordrecht; London, 2014. P. 417–418; Ragep F.J. New Light on Shams: the Islamic Side of Σάμης Πουχάρης // Politics, Patronage and the Transmission of Knowledge in 13th–15th Century Tabriz / Ed. J. Pfeiffer. Leiden, 2014. P. 231–247; Mercier R. An Almanac for Trebizond for the Year 1336. Louvain-la-Neuve, 1994. P. 15–16.*

зантии культурного феномена: родившись в Константинополе и потому получив образование на греческом языке, он настолько хорошо изучил персидский и арабский языки, что имел возможность переводить относительно сложные научные тексты.

IV. К типологической оценке византийского феномена

Насколько своеобразной была Византия в ее отношении к многоязычию и в ее готовности овладеть иностранными языками? По господствующим ныне представлениям, открытость культуры к чужому, способность распознать и воспринять специфический опыт чужого являются главным залогом успеха цивилизации, ее прогресса. Экстравертность цивилизации обеспечивается в частности установкой на межкультурную коммуникацию и освоение чужой информации через посредство многоязычия и перевода на собственный язык. Важность многоязычия и перевода как средства обеспечения открытости культуры обосновывается примерами из истории «великой эпохи переводов» на мусульманском Востоке в VIII–X вв. и подобном же движении переводов в романо-германской и славянской Европе⁸⁹. Следовательно, многоязычие признается безусловным благом, открывающим для культуры новые горизонты.

В то же время, византийская культура представляется нам скорее интровертной, центрированной исключительно на собственную интеллектуальную и духовную традицию, в центре которой находился греческий язык. Кажется, что византийцы были в целом индифферентны к информации извне, с латинского Запада, славянского Севера и мусульманского Востока. Византия предстает кичащейся собственной традицией, а потому не только равнодушной, но даже и враждебной к чужому знанию. Таким образом, структурообразующее многоязычие остального мира противопоставляется моноязычию Византии. Моноязычие Византии будто бы явилось «проклятием» византийской культуры и одной из главных причин угасания творческой активности византийцев, которые ограничивали себя слепым подражанием античности и были чужды интеллектуальному и научному прогрессу.

На протяжении многих лет автор этих строк разделял ту точку зрения, что византийцы в целом были равнодушны к иностранным языкам в силу собственной самодостаточности. Однако теперь эта трактовка представляется мне весьма несправедливой по отношению к византийской культуре.

Интерес к чужим языкам, к общению с чужаками и, наконец, к переводу чужой мудрости может проявиться только тогда, когда культура при сравнении себя со своими соседями чувствует себя опасно отставшей в знаниях и технологиях. Средневековая Европа, соседствуя с более развитой Византией и мусульманским Андалусом, стремилась получить чужую мудрость через устное общение и текстуальный перевод с арабского и греческого языков. По крайней мере до X в. включительно мусульманский мир остро чувствовал недостаток знаний и широко переводил с греческого, сирийского, пехлеви и санскрита.

Как следует из нашего обсуждения, византийские греки в не меньшей степени стремились получить новые знания. Однако с IV и по X–XI вв. Византия, как

⁸⁹ См., например: *Translating others* / Ed. Th. Hermans. Vol. 1–2. L.; N.Y., 2006–2014.

хранительница античной традиции, была единственным в мире того времени резервуаром знаний, столь обширных и столь качественных. В Средиземноморье не было никого, кто бы мог предложить византийским интеллектуалам такое знание, которого бы у них не было.

Как только византийцы узнали, что арабоязычная и, позднее, персоязычная наука превзошла их собственную, они начали переводить с восточных языков. Как только византийцы, во второй половине XIII в., осознали выдающиеся достижения латинской культуры в богословии и литературе, они вспомнили латынь и начали переводить с латыни богословские, научные, литературные и иные тексты.

Именно резкий культурный рост X–XIII вв. сначала на Востоке, а затем на Западе убедил византийских интеллектуалов в необходимости изучения и использования иностранных языков. Этому способствовал несомненно и рост политического могущества Запада и Востока.

Этот нарастающий интерес к внешнему миру лучше всего виден в писаниях последнего поколения византийцев. Лаоник Халкокондил, поствизантийский автор XV в., демонстрировал исключительный интерес к иностранным языкам и сделал целый ряд глубокомысленных наблюдений относительно лингвистической карты окружающего мира⁹⁰. Повсеместно при описании народов Халкокондил дает информацию и об их языках. Он выяснил для себя, например, что тюркский язык отличается от персидского и что на нем говорят в Анатолии, а на персидском — в Персии⁹¹; ливийцы же в Северной Африке говорят на арабском⁹²; относительно Индии он ограничивается констатацией, что там говорят на «многих языках»⁹³. В Анатолии кочевые писидийцы и варсаки говорят на тюркском⁹⁴; восточноевропейские и азиатские тюрки говорят на близких языках, ибо понимают друг друга на рынках⁹⁵. Пленные дети, переселенные Мурадом II с Балкан в Анатолию, довольно скоро стали говорить на тюркском⁹⁶.

Далее, Халкокондил указывает, что влахи и даки (румыны) имеют один и тот же язык, близкий к итальянскому⁹⁷; к итальянскому же близок и язык кельтов (французов)⁹⁸; в Трансильвании часть населения говорит на венгерском, а часть — на языке даков (румын)⁹⁹.

⁹⁰ Впервые на текст Халкокондила в связи с проблемой многоязычия обратил внимание Арно Борст: *Borst A. Der Turmbau von Babel...* S. 313.

⁹¹ *Laonici Chalcocondylae Historiarum demonstrationes*. Vol. 1–2 / Rec. E. Darkó. Budapestini, 1922. Vol. 1. P. 156.18–157.1. Комментарий к этому пассажиру см.: *Шукуров P.M.* Тюрки в византийском мире... С. 100. Новое издание Халкокондила с английским переводом см.: *Laonikos Chalkokondyles. The Histories* / Ed. and transl. A. Kaldellis. Vol. 1–2. Cambridge (Mass.); London, 2014.

⁹² *Chalc.* Vol. 1. P. 82.19–20.

⁹³ *Ibid.* P. 153.1213: φωνὴν δὲ οὐ τὴν αὐτὴν σφίσις ἴενται...

⁹⁴ *Ibid.* Vol. 2. P. 21.12–17.

⁹⁵ *Ibid.* Vol. 1. P. 9.4–7: διὰ τὸ Σκύθας τοὺς ἐν τῇ Εὐρώπῃ πρὸς ἔω ἔτι καὶ νῦν διαγενομένους κατὰ τὴν ἀγορὰν καλουμένην τῶν ἐν ἡ Ἀσίᾳ Τούρκων ἐπάειν οὐ χαλεπῶ.

⁹⁶ *Ibid.* Vol. 2. P. 8.3–8.

⁹⁷ *Ibid.* Vol. 1. P. 72; Vol. 2. P. 92.

⁹⁸ *Ibid.* Vol. 1. P. 83.4–7: οἱ Κελτοὶ <...> φωνὴν δὲ προῖενται διενεγκοῦσαν μὲν τῆς Ἰταλῶν φωνῆς, οὐ μέντοι τοσοῦτον, ὥστε δόξει εἶναι τῆς Ἰταλῶν φωνῆς τὴν γλῶτταν ἐκείνων.

⁹⁹ *Ibid.* Vol. 2. P. 31.5–6.

Языки алан¹⁰⁰, англичан (Βρετανοί)¹⁰¹ и венгров (Παίονες)¹⁰² прямо описываются как уникальные и не связанные с другими языками; по всей видимости, язык немцев (Γερμανοί) Халкокондил также рассматривал как отдельный и не связанный с другими.

Однако наиболее удивительные по научной прозорливости пассажи касаются славянских языков. Так, Халкокондил указывает, что сербы (трибаллы), болгары (мизийцы), боснийцы (иллирийцы), хорваты, поляки и русские (сарматы) говорят на близких языках и поэтому принадлежат к одному и тому же народу. Причем суждение о единстве этих народов он выводит напрямую из близости языков¹⁰³.

Таким образом, Халкокондил выделял по меньшей мере две группы близкородственных языков — в наших терминах, славянские и романские.

Внимание Халкокондила к языковому аспекту этнографии для византийской письменности абсолютно феноменально. Результаты размышлений Халкокондила и особенно его лингвоцентристское отношение к этнографии кажутся весьма близкими к современным способам систематизации: он предвосхитил «лингвистическую революцию» в европейской этнологии XIX в.

Итак, насколько своеобразной была Византия в ее отношении к многоязычию и в ее готовности изучать иностранные языки? На самом деле византийский случай отнюдь не был исключительным. Как только иностранная мудрость на Востоке и Западе превзошла мудрость византийскую, греки, естественным образом, стали интересоваться практическим многоязычием не меньше, чем их соседи. Более того, наиболее прозорливые из византийцев, как Халкокондил, возвели язык в ранг одного из определяющих критериев этнической классификации.

Шукуров Рустам Мухаммадович

Доктор исторических наук

Доцент кафедры истории средних веков

Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4

119992 Москва

Электронная почта: rshukurov@yandex.ru

¹⁰⁰ Ibid. P. 223.17–20.

¹⁰¹ Ibid. Vol. 1. P. 87.7–10.

¹⁰² Ibid. P. 67.21–22.

¹⁰³ Ibid. P. 31.19–22: εἰ δέοι ταύτη τεκμαιρόμενον λέγειν, εἴη ἂν τοῦτο τὸ γένος ταῦτό τε καὶ ἐν καὶ ὁμόφυλον ἑαυτῶ; Vol. 2. P. 227.14–19.

Rustam SHUKUROV

MULTILINGUALISM IN BYZANTIUM (4th–15th CENTURIES)

Abstract: The article deals with the problem of multilingualism in Byzantium. The author singles out the main set of themes in textual Byzantine tradition related to the multilingualism of the oikoumene, discusses the content, functions and role of multilingualism. The article discusses the intellectual reflection of the Byzantines on the multilingualism, the problems of practical multilingualism in Byzantine textual culture, the typology of persons practicing multilingualism. In conclusion, the author gives a typology of Byzantine multilingualism in comparison with other civilizational types of the Mediterranean.

Keywords: Byzantium, Byzantine culture, Greek language, multilingualism, Greek translations, translators, bilinguals.

Literature Cited

- ADLER, A., ed. *Suidae Lexicon*. Vol. 1–5. Leipzig 1928–1938.
- ADLER, W., TUFFIN, P., transl. *The Chronography of George Synkellos. A Byzantine Chronicle of Universal History from the Creation*. Oxford 2002.
- ADLER, R. “Die Frage des Ursprungs der Sprache im Alten Testament.” In GESSINGER, J., von RAHDEN, W., eds. *Theorien vom Ursprung der Sprache*. Vol. 2. Berlin 1989. P. 1–18.
- ARUTIUNOVA-FIDANIAN, V.A. *Tipik Grigoriia Pakuriana*. Erevan, 1978.
- BARTIKIAN, R.M. “Armenian Subscription of the Protos of Megale Laura Theoctistos. (Concerning the activity of the Armenian Chalcedonians in Athos).” In *Studia armeno-byzantina*. T. 1. Erevan, 2002. P. 321–326.
- BEKKER, I., ed. *Georgius Cedrenus, Ioannis Scylitzae ope*. Vol. 1–2. Bonn 1838–39.
- BETZ, H.D., ed. *The Greek Magical Papyri in Translation. Including the Demotic Texts*. Chicago 1986.
- BIRJUKOV, D.S. “Polemika svt. Grigoriia Nisskogo i Evnomiia v kontekste antichnykh logicheskikh uchenii.” *Problemy teologii* 4 (2007). P. 87–93.
- BIRJUKOV, D. “Strategies of Naming in the Polemics between Eunomius and Basil of Caesarea in the Context of the Philosophical Tradition of Antiquity.” *Scrinium. Revue de patrologie, d’hagiographie critique et d’histoire ecclesiastique* 4 (2008). P. 103–121.
- BORRET, M., ed. *Origène. Contre Celse*. T. 1–4. Paris 1967–1969.
- BORST, A. *Der Turmbau von Babel. Geschichte der Meinungen über Ursprung und Vielfalt der Sprachen*. Vol. 1–6. Stuttgart 1957–1963.
- BOURAS-VALLIANATOS, P. “Galen’s Reception in Byzantium: Symeon Seth and his Refutation of Galenic Theories on Human Physiology.” *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 55 (2015). P. 431–469.
- Catalogus codicum astrologorum graecorum*. Vol. 1–12. Brussels 1898–1953.

- CHAMPOLLION, J.-F. *Précis du système hiéroglyphique des anciens égyptiens*. Paris 1824.
- CHEYNET, J.-C. “Du prénom au patronyme: les étrangers à Byzance (X^e–XIIe siècles).” In OIKONOMIDES, N., ed. *Studies in Byzantine Sigillography*. Washington 1987. P. 57–66.
- CHEYNET, J.-C. “L’anthroponymie aristocratique à Byzance.” In BOURIN, M., MARTIN, J.-M., and F. MENANT, F., eds. *L’anthroponymie, document de l’histoire sociale des mondes méditerranéens médiévaux*. Rome 1996. P. 267–294.
- CHEYNET, J.-C. *La société byzantine. L’apport des sceaux*. Vol. 1–2. Paris 2008.
- CONGOURDEAU, M.-H. “La médecine byzantine à la croisée de l’Orient et de l’Occident.” In SPEER, A., and STEINKRÜGER, Ph., eds. *Knotenpunkt Byzanz: Wissensformen und kulturelle Wechselbeziehungen*. Berlin 2012. P. 223–231.
- CUNNINGHAM, M. *The Life of Michael the Synkellos*. Belfast 1991.
- DAGRON, G. “Communication et stratégies linguistiques.” In *Hē epikoinōnia sto Byzantio: praktika toy B Diethnous Symposiou, 4–6 Oktōbriou 1990*. Athens 1993. P. 81–92.
- DAGRON, G. “Formes et fonctions du pluralisme linguistique à Byzance (IXe–XIIe siècle).” *Travaux et memoires* 12 (1994). P. 219–240.
- DAGRON, G. *Idées byzantines*. Vol. 1–2. Paris, 2012.
- DARKÓ, E., ed. *Laonici Chalcocondylae Historiarum demonstrationes*. Vol. 1–2. Budapestini 1922–1927.
- De BOOR, C., ed. *Nicephori Archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica*. Lipsiae 1880.
- De BOOR, C., ed. *Georgii Monachi chronicon*. Vol. 1–2. Leipzig 1904.
- DELATTE, A. “Le lexique de botanique du Parisinus Graecus 2419.” In *Serta Leodensia ad celebrandam patriae libertatem iam centesimum annum recuperatam composuerunt philologi leodenses. Mélanges de philologie classique publiés à l’occasion du centenaire de l’indépendance de la Belgique*. Liège 1930. P. 59–101.
- DELATTE, A. *Anecdota Atheniensia et alia*. Vol. 1–2. Paris 1939.
- DELCOGLIANO, M. *Basil of Caesarea’s anti-Eunomian theory of names: Christian theology and late-antique philosophy in the fourth century Trinitarian controversy*. Leiden, Boston 2010.
- DENIS, A.-M., ed. *Fragmenta pseudepigraphorum quae supersunt Graeca una cum historicorum et auctorum Judaeorum hellenistarum fragmentis*. Leiden, 1970.
- DILLON, J. “The Magical Power of Names in Origen and Late Platonism.” In HANSON, R., and CROUZEL, H., eds. *Origeniana Tertia. The Third International Colloquium for Origen Studies*. Rome 1985. P. 203–216.
- DINDORF, L., ed. *Ioannis Malalae chronographia*. Bonn 1831.
- DINDORF, L., ed. *Chronicon Paschale*. Vol. 1–2. Bonn 1832.
- ESKHULT, J. “The Primeval Language and Hebrew Ethnicity in Ancient Jewish and Christian Thought until Augustine.” *Revue d’études augustiniennes et patristiques* 60 (2014). P. 291–347.
- FISHER, E.A., ed. *Michaelis Pselli orationes hagiographicae*. Stuttgart 1994.
- FISHER, E.A. “Monks, Monasteries and the Latin Language in Constantinople.” In ÖDEKAN, A., AKYÜREK, E., and NECİPOĞLU, N., eds. *Change in the Byzantine World in the Twelfth and Thirteenth Centuries*. Istanbul 2010. P. 390–395.
- FISHER, E.A. “Manuel Holobolos and the Role of Bilinguals in Relations Between the West and Byzantium.” In SPEER, A., ed. *Knotenpunkt Byzanz. Miscellanea Mediaevalia*. New York, Berlin, 2012. P. 210–222.
- FRAHM, E. “Decipherment, D: Egyptian Scripts.” In CANCIK, H., SCHNEIDER, H., and LANDFESTER, M., eds. *Brill’s New Pauly. Encyclopaedia of the Ancient World*. Vol. 1–22. Leiden 2006–2011.
- GARIDIS, M. “La représentation des ‘nations’ dans la peinture post-byzantine.” *Byzantion* 39 (1969). P. 86–103.
- GAUTIER, P. “Le typikon du sébaste Grégoire Pakourianos.” *Revue des Études Byzantines* 42 (1984). P. 5–145.

- GERA, D.L. *Ancient Greek Ideas on Speech, Language, and Civilization*. Oxford 2003.
- GESSINGER, J., and von RAHDEN, W., ed. *Theorien vom Ursprung der Sprache*. Vol. 1–2. Berlin 1989.
- GOETZ, G., ed. *Corpus Glossariorum Latinorum*. Vol. 1–7. Leipzig 1888–1923.
- GRABAR, A.N. “Ikonograficheskaia skhema Piatidesiatnitsy.” *Seminarium Kondakovianum* 2 (1928). P. 223–238.
- GRABAR, A. *L’iconoclasme byzantin. Dossier archéologique*. Paris 1957.
- GROSDIDIER de MATONS, J., ed. *Romanos le Mélode. Hymnes*. Vol. 1–5. Paris 1964–1981.
- GUTAS, D. “Arabic into Byzantine Greek: Introducing a Survey of the Translations.” In SPEER, A., and STEINKRÜGER, Ph., eds. *Knotenpunkt Byzanz: Wissensformen und kulturelle Wechselbeziehungen*. Köln 2012. P. 246–264.
- HARAMUNDANIS, K. “Chioniakos, George.” In HOCKEY, Th., ed. *Biographical Encyclopedia of Astronomers*. New York, Heidelberg, Dordrecht, London 2014. P. 417–418.
- HEIDEMANN, S., and SODE, Cl. “Christlich-orientalische Bleisiegel im Orientalischen Münzabinett Jena.” *ARAM* 11–12 (1999–2000). P. 533–593.
- HELM, R., ed. *Hippolytus Werke*. Vol. 4. Berlin 1955.
- HERMANS, Th., ed. *Translating others*. Vol. 1–2. London; New York 2006–2014.
- HILHORST, T. “The Prestige of Hebrew in the Christian World.” In HILHORST, A., ed. *Flores Florentino: Dead Sea Scrolls and Other Early Jewish Studies Dead Sea Scrolls and Other Early Jewish Studies in Honor of Florentino García Martínez*. Boston Leiden, 2007. P. 777–802.
- HOVENDEN, G. *Speaking in Tongues: The New Testament Evidence in Context*. London, New York 2002.
- HUNGER, H. *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. Vol. 1–2. München 1978.
- HUNTER, H. “Tongues-Speech: A Patristic Analysis.” *Journal of the Evangelical Theological Society* 23 (1980). P. 125–137.
- IDELER, J.L. *Physici et medici Graeci minores*. Vol. 1–2. Berlin 1842.
- JACOBY, D. “Multilingualism and Institutional Patterns of Communication in Latin Romania (Thirteenth–Fourteenth Centuries).” In BEIHAMMER, A.D., PARANI, M.G., and SCHABEL, Ch.D., eds. *Diplomatics in the Eastern Mediterranean 1000–1500. Aspects of Cross-Cultural Communication*. Leiden, Boston 2008. P. 27–48.
- JAEGER, W., ed. *Gregorii Nysseni opera*. Vol. 1–2. Leiden 1960.
- JOANNOU, P.-P., ed. *Joannes Italos. Quaestiones quodlibetales (Aporiai kai lyseis)*. Ettal 1956.
- JORDANOV, I. *Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria*. Vol. 1–3. Sofia 2003–2009.
- KALDELLIS, A., ed., transl. *Laonikos Chalkokondyles. The Histories*. Vol. 1–2. Cambridge (Mass.) and London 2014.
- KAMBYLIS, A., and REINSCH, D.R., eds. *Annae Comnenae Alexias*. Berlin, New York 2001.
- KARNACHEV, A.E., transl. *Ioann Ital. Aporii*. Saint-Petersburg 2013.
- KARPOV, S.P. *Istoriia Trapezundskoi imperii*. Saint-Petersburg 2017.
- KAZHDAN, A. “Symeon Seth.” In *Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. 3. P. 1882–1883.
- KOLIA-DERMITZAKI, A. “Michael the Synkellos.” In THOMAS, D., ed. *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History*. Vol. 1. Leiden, 2009. P. 627.
- KRUMBACHER, K. *Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des Ostroemischen Reiches*. München 1897.
- LASSERRE, F., and LIVADARAS, N., ed. *Etymologicum Magnum Genuinum, Symeonis Etymologicum una cum Magna Grammatica, Etymologicum Magnum Auctum*. Vol. 1–2. Roma, 1976, Athens, 1992.
- LATTE, K., HANSEN, P.A., and CUNNINGHAM, I.C., ed. *Hesychii Alexandrini lexicon*. T. 1–4. Copenhagen 1953, 1966; Berlin 2008, 2009.
- LEFORT, J., OIKONOMIDÈS, N., PAPACHRYSSANTHOU, D., and MÉTRÉVÉLI, H, ed. *Actes d’Iviron*. Vol. 1–4. Paris 1985–1995.
- LEMERLE P., DAGRON G., and ÇIRKOVIÇ S., ed. *Actes de Saint-Pantéléèmon*. Paris 1982.

- LEMERLE P., GUILLOU A., SVORONOS N., PAPACHRYSSANTHOU D., and ÇIRKOVIÇ S., eds. *Actes de Lavra*. Vol. 1–4. Paris 1970–1982.
- MACRIDES, R., MUNITIZ, J., and ANGELOV, D., ed. *Pseudo-Kodinos and the Constantinopolitan Court: Offices and Ceremonies*. Farnham 2013.
- MAGDALINO, P. “The Porphyrogenita and the Astrologers: A Commentary on Alexiad VI.7.1–7.” In DENDRINOS, C., ed. *Porphyrogenita: Essays on the History and Literature of Byzantium and the Latin East in Honour of Julian Chrysostomides*. Aldershot 2003. P. 15–31.
- MAJOR, T. “The Number Seventy-Two: Biblical and Hellenistic Beginnings to the Early Middle Ages.” *Sacris Erudiri* 52 (2013). P. 7–46.
- MAVROUDI, M. “Greek Language and Education under Early Islam.” In SADEGHI, B., AHMED, A., SILVERSTEIN, A., and HOYLAND, R. *Islamic Cultures, Islamic Contexts. Essays in Honor of Professor Patricia Crone*. Leiden 2015. P. 295–342.
- MERCIER, R. *An Almanac for Trebizond for the Year 1336*. Louvain-la-Neuve 1994.
- MERGIALI-SAHAS, S. “A Byzantine ambassador to the West and his office during the 14th and 15th centuries: a profile.” *Byzantinische Zeitschrift* 94 (2001). P. 588–604.
- MINETS, Y. *The Slow Fall of Babel: Conceptualization of Languages, Linguistic Diversity and History in Late Ancient Christianity*. Washington (D.C.) 2017.
- MOSSHAMMER, A.A., ed. *Georgius Syncellus. Ecloga chronographica*. Leipzig 1984.
- MRAS, K., ed. *Eusebius Werke*. Vol. 8. Berlin 1956.
- NIEHOFF, M.R. “What is in a Name? Philo’s Mystical Philosophy of Language.” *Jewish Studies Quarterly* 2 (1995). P. 220–252.
- OIKONOMIDÈS, N. “L”“Unilinguisme” officiel de Constantinople byzantine (VIIe–XIIe s.)” *Symmeikta* 13 (1999). P. 9–22.
- PARANI, M.G. *Reconstructing the Reality of Images. Byzantine Material Culture and Religious Iconography (11th–15th Centuries)*. Leiden, Boston 2003.
- PINGREE, D. “Chionides, Gregory.” In *Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. 1. P. 421–23.
- POIRIER, J.C. *The Tongues of Angels: The Concept of Angelic Languages in Classical Jewish and Christian Texts*. Tübingen 2010.
- PREISENDANZ, K., and HENRICHS, A., ed. *Papyri Graecae Magicae. Die Griechischen Zauberpapyri*. Vol. 1–2. Stuttgart 1973–1974.
- RAGEP, F.J. “New Light on Shams: the Islamic Side of Samps Pukharēs.” In PFEIFFER, D., ed. *Politics, Patronage and the Transmission of Knowledge in 13th–15th Century Tabriz*. Leiden 2014. P. 231–247.
- RICHTER, M. “Concept and evolution of the tres linguae sacrae.” In BREMER, E., ed. *Language of Religion — Language of the People. Medieval Judaism, Christianity and Islam*. München 2006. P. 15–24.
- RUBIN, M. “The Language of Creation or the Primordial Language: A Case of Cultural Polemics in Antiquity.” *Journal of Jewish Studies* 49 (1998). P. 306–333.
- RUNCIMAN, S. “Byzantine linguists.” In *Prosfora eis S.P. Kyriakidēn*. Thessalonike 1953. P. 596–602.
- SALAČ, A., ed. *Textus breves graeci et latini*. Vol. 1. Praha 1954.
- SBORDONE, F., ed. *Horapollon. Hieroglyphika (translatio Philippi)*. Napoli 1940.
- SCOTT, J.M. *Geography in early Judaism and Christianity: the book of Jubilees*. Cambridge 2003.
- SHUKUROV, R.M. *Tiurki v vizantiiskom mire (1204–1461)*. Moscow 2017.
- SKOULATOS, B. *Les personnages byzantins de l’Alexiade. Analyse prosopographique et synthèse*. Louvain 1980.
- SODE, Kl. “Vizantiiskie pechati kak sredstvo prezentatsii lichnostnoi i sotsial’noi identichnosti.” *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriia* 3 (2015). P. 6–18.
- SUAREZ, A.R. “From Greek into Latin: Western scholars and translators in Constantinople during the reign of John II.” In BUCOSSI, A., and RODRIGUEZ SUAREZ, A., eds. *John II*

Kommenos, emperor of Byzantium: in the shadow of father and son. London, New York 2016. P. 91–109.

- THISSEN, H.-J., ed. *Des Niloten Horapollon Hieroglyphenbuch.* Vol. 1. München, Leipzig 2001.
- THOMSON, M.H. *Textes grecs inédits relatifs aux plantes.* Paris 1955.
- TIHON, A. “De même qu’on peut voir les abeilles se poser sur tous les boutons de fleurs... Les astronomes byzantins entre Orient et Occident.” In GASTGEBER, Ch., and DAIM, F., eds. *Byzantium as Bridge between West and East.* Wien 2015. P. 283–290.
- TOUWAIDE, A. *Medicinalia Arabo-Byzantina, première partie: manuscrits et textes.* Madrid 1997.
- TOUWAIDE, A. “Arabic medicine in Greek translation. A preliminary report.” *Journal of the International Society for the History of Islamic Medicine* 1 (2002). P. 45–53.
- VERLINSKII, A.L. *Antichnye teorii o vozniknovenii iazyka.* Saint-Petersburg 2006.
- VOGT, A., ed. *Constantin VII Porphyrogénète. Le livre des cérémonies.* Vol. 1–2. Paris 1967.†
- WIRTH, P., ed. “Abendland und Byzanz.” *Reallexikon der Byzantinistik.* Vol. 1. Amsterdam 1968–1976. P. 345–640.
- WOLSKA-CONUS, W. “L’école de droit et l’enseignement du droit à Byzance au XIe siècle: Xiphilin et Psellos.” *Travaux et Memoires* 7 (1979). P. 1–107.

Rustam SHUKUROV

D. Sc. in History, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University, Faculty of History
Lomonosovskiy prospect, 27–4
119992 Moscow

e-mail: rshukurov@yandex.ru